

Г. А. Гаджиев¹**О БЕЛЫХ ПЯТНАХ И МИННЫХ ПОЛЯХ В МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ**

Процесс глобализации усиливает противоречия в мире, поскольку государства вынуждены отстаивать свои законные национальные интересы, национальный эгоизм, расчет — вполне естественен. Но в основе международных отношений и международного права не может не находиться особая область морали. Как отношения между людьми регулируются и юридическими и этническими нормами, так и ткань международных отношений нельзя соткать только с помощью юридического ткацкого станка.

Таким образом, метод, который необходимо освоить на современном этапе развития международного права, может основываться на скрещивании совести с расчетом, моральности и эффективности.

Так ли уж все трагично, действительно ли происходит процесс полураспада международного права?

Думаю, что у всех нас должно быть, как говорил один очень известный политик, «больше бычьего упорства и оптимизма».

Уверен, что ничего трагичного с международным правом не произойдет. Мы переживаем вполне естественный и даже нормальный процесс осознания того, что необходимо усложнить научные представления о международном праве. Научная картина юридического мира на глазах превращается в гораздо более сложную. Я придерживаюсь мнения, что созданный человечеством мир научных идей, несмотря на специализацию знаний, во многом использует какие-то универсальные законы. Закон инерции в его наиболее простом виде выявлен в физике. Но аналогичные, параллельные научные идеи можно обнаружить и в сфере социальных наук.

Исходя из предположения о некоей параллельности идей, сформулированных человечеством в разных областях знаний, можно предположить, что даже музыкальные идеи или идеи изобразительного творчества находятся не так уж далеко от мира философских или юридических идей.

Общие познавательные структуры можно обнаружить даже в, казалось бы, диаметрально разных науках, к примеру в математике и юриспруденции (идея баланса прежде всего). Выдающийся профессор Йельской школы права неслучайно писал о близости таких сфер знаний, как право, экономика, этика, политология, объясняя это тем, что все они «всего лишь разные названия одной и той же области — области челове-

ского опыта («Прощальное письмо А. Корбина преподавателям Йельской школы права»).

Впору вспомнить картину гениального художника (и философа) Казимира Малевича «Черный супрематический квадрат», который сто лет назад предсказал то, что будет происходить в социальных науках. Черный квадрат можно рассматривать как символ важной философской проблемы. Внешняя простота, незатейливость рефлексии квадрата скрывает глубину идеи. На самом деле изображен не квадрат, а прямоугольник! В оптике описываются законы иллюзии человеческого зрения. Но точно так же в «научном зрении» постоянно возникают иллюзии простоты. Оказывается, квадрат вовсе не черный — художник смог отразить тридцать оттенков серого цвета! Выходит, картина Малевича описывает то, что ученые определяют как когнитивный диссонанс, то есть расхождение между восприятием и осмыслением актуальной ситуации с учетом имеющихся знаний. Обыватель, стоя у картины Малевича, лишь смеется и, как правило, утверждает, что и он тоже может так нарисовать. И это означает, что он не выдерживает своего рода тест на воображение.

Способность увидеть вместо радикального черного цвета спектр оттенков — это уже свидетельство способности отказаться от упрощенных научных представлений. Везде можно увидеть спектр, диапазон, и это важная философская аксиома. Человеку, знакомому с философией Эрнста Кассирера, — а Казимир Малевич читал его работы по философии символических форм, — становится понятно философское послание Малевича. Изображение приобретает четкий философский подтекст, не зря художник написал философские размышления на тему искусства и бытия.

Итак, «Черный квадрат» на самом деле — яркая метафора, которую я использую в своем выступлении — скетче (то есть схеме, наброске идеи) того, в каком направлении должны меняться представления о международном праве.

Россия, как сказано в преамбуле нашей Конституции, «сознает себя частью мирового сообщества». И это осознание является залогом того, что и впредь Россия, как и во времена Федора Федоровича Мартенса, будет вносить свой вклад в развитие международного права. Думаю, что он может состоять из новых представлений о правах человека в различных культурах при несомненной ценности самой идеи о верховенстве прав человека, которая является несомненным достижением человечества.

Усиление экономических противоречий между странами является, как мне кажется, основным, но не единственным риском для системы международного права. На его просторах есть опасные минные поля, и это абсолютизация прав человека и идеи справедливости в устройстве международных отношений.

История и опыт подсказывают, что абсолютно справедливых моделей этих отношений не было никогда, и вряд ли они появятся в дальнейшем. Справедливость

¹ Судья Конституционного Суда РФ, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ. Автор свыше 270 научных работ, в т. ч. монографий и учебных пособий: «Защита основных экономических прав и свобод предпринимателей за рубежом и в Российской Федерации: опыт сравнительного анализа», «Предприниматель–налогоплательщик–государство: правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации», «Конституционные принципы рыночной экономики», «Конституционная экономика», «Онтология права (критическое исследование юридического концепта действительности)», «Российская судебная власть: современность и перспективы» (в соавт.), «Право и экономика (методология)» и др. Член редколлегии 12 научных журналов. Член Совета при Президенте РФ по совершенствованию гражданского законодательства. Награжден Почетной грамотой Президента РФ. Почетный доктор СПбГУП.

в международном порядке может носить только относительный характер. Коммунистические режимы искали абсолютную справедливость, для этого они даже пытались искоренить частную собственность, но ничего не вышло.

Современные либеральные ученые и политики пытаются добиться идеала абсолютной свободы для всех людей, абсолютного устранения всех предрассудков и дискриминации, но и эта новая абсолютная идея разбивается о скалу объективно существующих ограничений у разных народов.

Правовая ценность — это принципы права, универсальные права человека не абсолютны, они всегда представляют собой итог оптимизации или взвешивания, то есть балансировки интересов, которые часто бывают противоположными, то есть бинарными, противоречивость принципов и прав является отражением объективно противоречивых устремлений людей, то есть их интересов. Их уравнивание означает, что принятые в обществе ценности должны сосуществовать. Способом их существования является такая их интерпретация, когда в ситуации коллизии бинарных интересов приходится отдавать определенное предпочтение одной ценности. Но более рациональным (оптимальным) способом сосуществования правовых ценностей является такое истолкование одной правовой ценности, в результате которого появляются новые представления (по сути — новый опыт!), не позволяющие ослабить чрезмерно регулятивный потенциал другой ценности в бинарном отношении.

Идея взвешивания равноценных, но вместе с тем антиномичных правовых принципов — это прием своего рода подведения черты под противоположными точками зрения, служащий целям гармонизации отношений между людьми (и народами).

Только с помощью взвешивания не абсолютных, а рассматриваемых в качестве относительных правовых ценностей можно разработать базовые консенсусы в том или ином обществе. Это и есть исторически окрашенная справедливость.

Оливер В. Холмс, выдающийся судья Верховного суда США писал, что взвешивание правовых ценностей не является простой логической операцией, основанной на идее иерархии принципов. Суть его состоит в том, что между правовыми ценностями проводится как будто черта, разграничивающая их. И эта юридическая черта является метафорой вновь созданной юридической нормы, которая обеспечивает компромисс между двумя правами. При этом Холмс сравнивал права с дискретными единицами в математике и писал о том, что суды, по сути, взвешивают соображения социальной пользы. Дискретные единицы, о которых писал Холмс, можно сопоставить с дискретной математикой, являющейся разделом прикладной математики и состоящей из теории множеств, комбинаторики, теории графов, теории кодирования, теории алгоритмов, теории нечетких множеств.

Метафора о расколе Западе появилась не сегодня. В 2008 году в России вышла книга Ю. Хабермаса «Расколотый Запад», в которой он писал, что Запад расколола не угроза терроризма, а политика США, игнорирующая международное право. Американский философ Джон Ролз создал предпосылки для этой политики.

Задействован был и кантовский проект преодоления «естественного состояния (вражды) между государствами». Ролз в книге «Право народов» признал необязательными строгие принципы справедливости, которым должны следовать демократические государства в отношениях с государствами с авторитарными режимами.

Оценивая тот радикальный обвал в международных отношениях, который вызвало правительство Буша-младшего, Ю. Хабермас писал о том, что в их основе лежали такие представления о правовых ценностях, которые рассматривали право человека как абсолютную ценность. И он же заметил, что спорным является не вопрос, возможна ли справедливость в отношениях между народами, а вопрос о том, каким путем она устанавливается.